

В статье рассмотрены драгоценные страницы русской литературы – наследие Гоголя – литературного критика.

The article deals with precious pages of Russian literature, i.e. N. V. Gogol's heritage as a literary critic.

Ключевые слова: Гоголь-литературный критик, «Выбранные места из переписки с друзьями», образ скуки, «Арабески».

Keywords: Gogol as a literary critic, "Selected fragments of the letter-exchange with friends", image of boredom, "Arabesques".

Сколько есть людей, которые судят, говорят и толкуют потому, что все суждения поднесены им почти готовые, и которые сами от себя не толковали бы, не судили, не говорили.

Итак, журнальная литература, во всяком случае, имеет право требовать самого пристального внимания

Николай Васильевич Гоголь

Так писал знаменитый писатель в одной из своих статей, напечатанной в «Современнике». Николай Васильевич, как и многие передовые деятели первой половины XIX века был активно вовлечен в «журнальную литературу».

В 1830 году Гоголь становится сотрудником «Отечественных записок» Свиньина, где печатается его первая повесть «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала». Перед Гоголем открылись двери в избранное литературное общество: он познакомился с В. А. Жуковским, П. А. Плетневым, а в мае 1831 г. был представлен Пушкину. Вскоре Гоголь стал литературной знаменитостью. В 1831–1832 гг. появились два тома малороссийских повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки», восторженно встреченных Пушкиным. «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности...», – писал он. – Все это так необыкновенно в нашей нынешней

литературе, что я доселе не образумился». В 1835 г. появляются его новые сборники – «Миргород» и «Арабески».

После их выхода из печати слава Гоголя еще более возросла: его восторженно встречали в Москве писатель С. Т. Аксаков с сыновьями Константином и Иваном, историк М. П. Погодин, актер М. С. Щепкин и другие. В. Г. Белинский в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» провозгласил его «главою литературы, главою поэтов» – и это при жизни Пушкина!..

Значительное место в письмах Гоголя к М. Погодину, как и к А. Пушкину, занимают вопросы современной журналистики. Уже в 1831 году Гоголь исполнен негодования против Булгарина и руководимой им верноподданнической прессы. Но в это время Гоголь еще не подозревал, что и ему очень скоро предстоит взяться «за опозоренное ремесло журналиста» (как он оценивал

его в письме к Дмитриеву от 30 ноября 1832 года). Безыдейно-«торговое» направление в литературе становилось все популярней, особенно после того, как оно получило новое подкрепление с 1834 года в лице О. И. Сенковского и его журнала «Библиотека для чтения». Это побудило Гоголя пересмотреть свое прежнее отрицательное отношение к журнальной борьбе. В письме к Погодину от 1 января 1834 года он дает убийственную характеристику изданий Сенковского и Булгарина, а в следующих письмах призывает Погодина и его московских друзей к неустанной борьбе с развращающим публику «торговым» направлением. Именно с этой целью — для отпора «Библиотеке для чтения» — был организован в 1835 году журнал «Московский наблюдатель». Однако постепенно Гоголь убеждается в неспособности М. П. Погодина, С. П. Шевырева и близкого к ним круга московских дворянских литераторов действительно противостоять влиянию Булгарина и Сенковского. Обманутый в своих надеждах на москвичей, Гоголь с начала 1836 года и вплоть до своего отъезда за границу становится одним из постоянных, активнейших и энергичнейших сотрудников пушкинского «Современника» и здесь, уже в первом номере, смело бросает вызов реакционной журналистике. В «Современнике» были напечатаны его повести «Нос» и «Коляска», драматический отрывок «Утро делового человека», статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах» (воспринятая большинством читателей как программа нового журнала) и ряд рецензий на современные литературные произведения, а в 1837 году — уже после смерти Пушкина — «Петербургские записки 1836 года».

Когда мы говорим о Гоголе как о критике и публицисте, надо помнить, что многие его работы носят научный характер и предметом их исследования чаще всего является не литература, а история. Элементы художественности часто превышают в них ту степень,

которая считалась уместной в статьях научного или даже литературно-критического профиля. Некоторые из них близки по жанру к произведениям художественным, одни — к лирическому монологу («Борис Годунов»), другие — к философской аллегории или «эмблеме» («Скульптура, живопись и музыка», «Жизнь»). Однако Гоголь как ученый и критик не сразу нашел признание. Конечно, в тени художественных творений Гоголя его критическое наследие всегда будет выглядеть достаточно скромным.

С. А. Венгеров констатировал: «Если Гоголь-историк ценится у нас, обыкновенно, незаслуженно мало, то Гоголь-критик просто мало кому известен». В. Г. Белинский высоко ценил статьи «Театральный развезд...», «О движении журнальной литературы...» (и «Несколько слов о Пушкине»). Заявление Венгерова оправдано: надо воздать Гоголю должное не просто как ценителю искусства, выступавшему с тонкими суждениями, но как человеку, который хотя и эпизодически, но профессионально занимался литературной критикой.

Статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах» была напечатана впервые в «Современнике» в 1836 году. Эта статья Гоголя, написанная и популярном для того времени жанре годовых обозрений, стала заметным фактом литературной жизни. Она, как писал И. Панаев: «Наделала большого шума в литературе и произвела очень благоприятное впечатление на публику». В. Белинский посвятил статье Гоголя большую часть своей рецензии «Несколько слов о «Современнике», отметив, что она принадлежит к «самым интересным статьям» и отражает «дух и направление нового журнала». Белинский поддержал критику «Библиотеки для чтения», «Московского наблюдателя», «Северной пчелы» и общую гоголевскую программу «журнальной литературы» как живого «фактора» общественной и художественной жизни.

А. Пушкин, однако, не хотел оставлять у читателей «Современника»

впечатление, что гоголевская статья является программой журнала, и предпринял ряд тактических шагов. В третьем томе «Современника» он опубликовал «Письмо к издателю» некоего жителя Твери А. Б. (на самом деле написанное самим Пушкиным), содержащее полемику со статьей Гоголя. В примечаниях же к этому «письму» Пушкин – уже от своего имени – заявил, что статья «О движении журнальной литературы» «не есть и не могла быть программой «Современника». Для Белинского, а вслед за ним и для Чернышевского с Добролюбовым Гоголь явился знаменем передового русского искусства. Современник Пушкина и Лермонтова, Гоголь в значительно большей степени отвечал чаяниям разночинцев – передового отряда освободительного движения.

Характеристика творчества Пушкина, содержащаяся в одной из статей «Арабесок», – высшее достижение Гоголя-критика. В годы, когда наиболее зрелые пушкинские создания наталкивались на холодность, непонимание, а то и прямую враждебность многих читателей и литераторов, Гоголь сумел сказать о поэте так много глубоко истинного, что его маленькая статья воспринимается сегодня как чудесное пророчество.

Гоголь говорил о своем великом друге: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет». В словах этих слышатся не только безмерное преклонение перед русским национальным поэтом, но и глубочайшее осознание трагизма русской действительности. Гоголю оставалось надеяться, что с существующим порядком Россия лишь через двести лет разовьется до пушкинского идеала. Верой в этот пушкинский идеал и порожден был лирический герой Гоголя, лютой ненавистью клеймивший мертвое существование крепостной страны [2].

Гоголь полагал, что новые социальные конфликты вторгаются в искусство и оттесняют устоявшиеся, привычные формы любовных сюжетов. Само творчество Гоголя и было свидетельством этого зарождения новых интересов искусства. В письме к Погодину Гоголь признавался, что относится к сорту петербургских жителей, чья жизнь протекает преимущественно на чердаках. Разночинец по характеру своей жизни, по всему строю чувств, Гоголь, как вслед за ним и «дворянин» Достоевский, воспринимал державный город, весь его «гром и блеск» глазами сирого чердачного обитателя, для которого роскошь «мириад карет» оборачивалась смрадом и нищетой знакомых ему петербургских углов. Статьи из «Арабесок» и «Современника» определяют критическую деятельность Гоголя 30-х годов. Для 40-х годов определяющий фактор – «Выбранные места из переписки с друзьями». Книга, как известно, кризисная, отразившая мучительные душевные процессы, пережитые Гоголем после первого тома «Мертвых душ».

Некоторое время Гоголь проводит за границей. Жизнь его там имела для него ряд отрицательных последствий: она способствовала духовному разъединению писателя с наиболее передовыми его современниками, и в особенности с молодой, демократической частью русского общества. До отъезда из России Гоголь был идейно и эстетически тесно связан с Пушкиным и кругом пушкинского «Современника» – эта связь с живым и передовым литературным движением имела для Гоголя важное значение. После смерти Пушкина круг друзей и литературных соратников поэта распался, и Гоголь потерял ту нужную для писателя литературную среду, которая умела бы столь же чутко, как Пушкин, проникнуть в самое существо его замыслов и творчески поддержать их. Усилившаяся разобщенность Гоголя с идейной жизнью передовой части русского общества толкнула его в годы

после завершения первого тома «Мертвых душ» на путь поисков «нравственного освобождения» и мистических, религиозных исканий. Первые признаки возросшего увлечения религиозно-нравственными проблемами заметны уже в письмах Гоголя 1840-1841 годов.

Общественно-политическое движение 40-х годов сопровождалось серьезными изменениями в журналистике, критике и во всем литературном движении этого десятилетия. Периодические издания приобретают исключительное значение. Толстые ежемесячники, откликаясь на все существенные явления умственной жизни русского общества, вобрав в себя почти всю оригинальную и переводную беллетристику, отдавая важное место критике, обзаведясь солидно поставленным отделом «Науки и искусства» и разнообразно подобранной «Смесью», превратились в чрезвычайно важный фактор социально-политического и культурного развития и сделались средоточием идейной жизни страны. Вместе с тем журналы приобрели большую определенность в смысле принадлежности к тому или иному течению общественной мысли. Никогда не прекращавшаяся журнальная полемика разгорается в 40-е годы с новой силой и становится более содержательной.

В связи с расцветом художественной литературы и общим идейным подъемом в 40-е годы высоко поднялось значение передовой литературной критики. Она стала играть исключительно важную роль в развитии русской культуры и жизни русского общества. Так как прямое распространение философских и социальных идей и учений в России того времени было почти невозможно, передовая критика решала не только литературные, но и все «проклятые вопросы» эпохи.

Призывы славянофильских критиков к изображению «светлых» сторон русской жизни означали стремление превратить русскую литературу в средство пропаганды славянофильских заблуждений и ложных представлений о

действительности, стремление направить развитие литературы в России по пути реакционного романтизма. Славянофилы неоднократно пытались привлечь Гоголя к участию в своих изданиях. Имя Гоголя как идейного единомышленника могло явиться сильным оружием в их ожесточенной борьбе с всевозрастающим влиянием Белинского и Герцена. Однако Гоголь хорошо понимал истинный смысл этих назойливых притязаний и раздраженно отвергал все предложения об участии в славянофильских органах.

Резкую отповедь дал он и издателю «Московского сборника», своему старому знакомому В. А. Панову. «Панову скажи так, – писал он Н. М. Языкову, – что я весьма понял всякие ко мне заезды, по части статьи, отдаленными и деликатными дорогами; но не хочет ли он понюхать некоторого словца под именем не т?» [2].

Во второй половине 40-х годов споры о Гоголе были неотделимы от споров о критическом реализме в литературе. Против критического реализма в литературе неоднократно выступали и Булгарин, и Шевырев, и славянофилы. В обзорах русской литературы за 1846 и 1847 годы и в «Ответе «Москвитянину» Белинский блестяще вскрывал отсталость литературно-эстетических принципов врагов критического реализма и разъяснял его прогрессивное значение.

Переживая острые и мучительные сомнения в силе воздействия на общество художественного слова и в то же время не зная других средств борьбы, Гоголь решает на время переменить свое писательское оружие. Он продолжает в 1843-1844 гг. работать над «Мертвыми душами» и в то же период вынашивает новый для себя замысел книги, в которой должен явиться перед читателем уже не как писатель, а как моралист и проповедник. Так возникает идея «Выбранных мест из переписки с друзьями». Этот цикл статей в форме писем, вышедший в свет в 1847 году, вызвал многочисленные и самые противоречивые отклики в русском

обществе и критике. Реакционные круги приветствовали «Переписку». Они решили, что в новой книге Гоголь порывает с прежним сатирическим направлением и переходит на их позиции. Они использовали «Переписку» для атаки на Белинского и критический реализм.

Белинский в статье о «Выбранных местах», помещенной в «Современнике», а еще более сильно в своем знаменитом зальцбургском письме к Гоголю, дал решительный отпор реакции, поднявшей на щит книгу Гоголя. Он беспощадно осудил «Переписку» как проповедь кнута, невежества, обскурантизма, как защиту самодержавия, крепостничества, церкви. Однако отношение Белинского к прежним произведениям Гоголя не изменилось. В противовес Шевыреву и Вяземскому он справедливо продолжал считать Гоголя основоположником «отрицательного направления» в русской литературе. Известно, что письмо Белинского к Гоголю получило широкое распространение среди прогрессивной интеллигенции 40-х годов и оказало огромное влияние на развитие русского революционного движения, общественной мысли и литературы.

Письма Гоголя предельно полно отразили для последующих поколений духовную драму, которая на протяжении долгих лет разыгрывалась в «уединенной келье художника». В них запечатлены свойственные Гоголю жадный пафос познания жизни и нравственного служения людям, ощущение своей неразрывной слитности с родиной и народом, своего гражданского и художнического долга перед ними. И вместе с тем в письмах Гоголя получили отчетливое выражение трагические ошибки на пути исканий великого писателя, обусловленных временем и особенностями его жизни. В пафосе непрерывного умственного и нравственного движения вперед, напряженного поиска, творческого труда, любви к родине, ощущения долга художника перед человеком и народом

состоит громадное воспитательное значение этих писем.

На одной из первых же страниц книги («Предисловие») Гоголь заявил о «бесполезности всего доселе им написанного», а это значит – «бесполезности» «Миргорода» и «Арабесок», «Ревизора» и «Мертвых душ». Внутренние мотивы «отречения» Гоголя от его прежних произведений были сложны и драматичны, да и русским обществом признавались недостаточными гоголевский глубокий комизм, беспощадный анализ жизни, и утверждалось, что моральная дидактика и конструирование положительных типов якобы способны принести этому обществу больше пользы, иметь на него более благотворное влияние [4]. И вместе с тем «Выбранные места...» были характерной книгой для своего времени, обнаружившей его подспудные угрожающие симптомы.

В статье «Гоголь и его последняя книга» Ап. Григорьев писал об авторе «Выбранных мест ...»: «... Гоголь сказал слово в объяснение собственных созданий, сказал его, беспощадно обнаживши перед нами всю болезненность самого себя – всю нашу общую болезненность...» «Человек, который так страдальчески, так задушевно смотрит на свое дело, стоит некоторого уважения даже и за свои заблуждения».

Дух близящейся катастрофы – вот что прежде всего чувствуешь, читая «Выбранные места...». Не идиллия, не согласие сословий и классов царят в России, а брань и ссора. Ощущение разъединенности Гоголь уподобляет самочувствию человека, находящегося «в летаргическом сне, который видит сам, как его погребают живого, но не может даже пошевелить пальцем и подать знака, что он еще жив». И сквозь эту атмосферу тревоги и кризиса проносится «дух сплетней, пустых поверхностных выводов, глупейших слухов, односторонних и ничтожных злословий». Но, пожалуй, над всеми видами символики и метафорическими планами главенствует образ скуки.

«Образ скуки» — это выражение самого Гоголя: «... Все мельчает и мелеет, и возрастает только ввиду всех один исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в твоём мире!» Образ скуки — один из сквозных у Гоголя: напомним финал «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Скучно на этом свете, господа!». И образ — по-гоголевски глубокий, неожиданный. Ибо гоголевская «скука» — отнюдь не томление ничегонеделания...

Передавая свои первые впечатления от Петербурга, Гоголь говорит: «Тишина в нем необыкновенная, никакой дух не блестит в народе, все служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, все подавлено, все погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их». В исполинском возрастании «образа скуки» зафиксирована та особенность жизни, что силы зла приняли в ней будничную, повседневную форму, что человечество погрязло в болоте и бездорожье. Гоголь считал себя призванным указать соотечественникам путь спасения, причем путь отчетливый, видимый всем. Гоголя и раньше отличал практицизм теоретического мышления. Но если в период «Арабесок» ему казалось, что он послужит соотечественникам путем глубокого постижения истины, то теперь ему этого мало. Теперь он выступает с конкретными, политическими рекомендациями, ищет опорных категорий, лозунгов.

И наряду с советами и наставлениями в книге встречаются рассуждения, свидетельствующие о поразительно остром, поистине гоголевском видении жизни, о понимании им скрытых пружин и ходов бюрократической машины. Гоголь, например, сомневается в том, что можно «приставить нового чиновника для того, чтобы ограничить прежнего в его воровстве»: это значит «сделать двух воров вместо одного». «Да

и вообще система ограничения — самая мелочная система ... На следующий год окажется надобность ограничить и того, который приставлен для ограничения, и тогда ограничье не будет конца». В сороковые годы страна стояла перед необходимостью отмены крепостного права, ликвидации феодальных институтов и норм, иными словами — перед коренными социальными преобразованиями. Гоголь же мечтал о перестройке и совершенствовании человеческих отношений при консервации наличной социальной структуры.

Гоголевская утопия осложнила, но не свела на нет его замечательное дарование критика. Излюбленный прием Гоголя, в котором он не знает себе равных, — персонификация абстрактных понятий и широких явлений с помощью целого каскада неожиданных, полуиронических деталей. В 30-е годы по такому принципу Гоголь строил сопоставление Петербурга и Москвы (статья «Петербургские записки 1836 года»). Теперь в статье «В чем же наконец существо русской поэзии...» тот же прием используется для характеристики целых исторических периодов и поэтических школ. «Наступил век Александра, опрятный, благопристойный, вылощенный...». Поэзия «сделалась сама похожею на умного и ловкого светского человека, когда он сидит в гостиной и ведет разговор... затем, чтобы просто повести разговор и пощеголять уменьем вести его обо всех предметах». А вот очерк всей русской поэзии в фокусе одной «детали» — фактуры стиха каждого поэта. «У каждого свой стих и свой особенный звон. Этот металлический, бронзовый стих Державина... этот густой, как смола или струя столетнего тока, стих Пушкина; этот сияющий, праздничный стих Языкова, влетающий как луч в душу, весь сотканный из света; этот облитый ароматами полудня стих Батюшкова, сладостный как мед из горного ущелья; этот легкий, воздушный стих Жуковского, порхающий, как неясный звук эоловой арфы; этот

тяжелый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкой, шемящей русской грустью ...» [2].

Вспоминаются слова Гоголя: «Гений – богач страшный, перед которым ничто весь мир и все сокровища». Немногие из русских писателей XIX века пользовались при жизни такой широкой известностью, как Гоголь. Выход в свет каждой его новой повести, появление на сцене новой комедии становились событиями, горячо обсуждавшимися всей читающей Россией. Имя Гоголя-художника было боевым знаменем для прогрессивной части русского общества, возглавляемой Белинским. О Гоголе спорили с пеной у рта. Знакомства с ним

упорно добивались. Каждое его слово, каждый поступок подвергались подробному анализу, а издатели журналов и альманахов не переставали преследовать Гоголя просьбами о сотрудничестве.

Поэтому, бесспорно, взятое в целом научное и критическое наследие Гоголя – драгоценная страница русской культуры. И как бы ни была она омрачена последней книгой, сделанное Гоголем нельзя переоценить. Н. Г. Чернышевский писал: «Как ни велики твои ошибки, мученик скорбной мысли и благих стремлений, но ты был одним из благороднейших сынов России, и безмерны твои заслуги перед родиной».

Примечания

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 7 т. / Под общ. ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко. Т.6. Примеч. Ю. В. Манна. М. : Художественная литература, 1978. 559 с.
2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 7 т. Т.7. Письма / Под общ. ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко. Примеч. Г. М. Фридендера. М. : Художественная литература, 1979. 429 с.
3. Горелов А. Очерки о русских писателях. Л. : Советский писатель, 1961.
4. История русской литературы. Т.7. Литература 1840-х годов / Отв. ред. Б. П. Городецкий. М.-Л. : Изд. АН СССР, 1955.
5. Литературное наследство. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Т.58. М., 1953.
6. Панаев И.И. Литературные воспоминания М.-Л. : Гослитиздат, 1960.
7. Пушкин А. Полн. собр. соч. Т.XV. М.-Л. : Изд. АН СССР, 1948.
8. Пушкин А. Полн. собр. соч. Т.XVI. М.-Л. : Изд. АН СССР. М., 1949.

Статья поступила в редакцию 19.03.2009 г.